

Он так сильно его любил.

До тех пор, пока золотой кнут не замер, Сюй Мучжоу не издал ни звука. Сначала зеваки из числа местных жителей перешептывались, но вскоре все смолкли. Вдоль всей узкой улочки слышался лишь свист ударов, опускавшихся на спину Сюй Мучжоу.

Когда наказание было приведено в исполнение, на золотом кнуте остался толстый слой крови. Лянь Цю бережно протер его дорогим шелковым платком, который всегда носил с собой. Казалось, эта плеть была куда ценнее, чем Сюй Мучжоу, стоявший на коленях.

Сюй Мучжоу, опираясь на землю, с трудом выпрямился и встал. Холодный пот градом катился по его вискам, губы утратили всякий цвет, и лишь выражение лица оставалось невозмутимым.

Цзун-шу и Пэй Юньчу поспешили к нему, чтобы поддержать, но, увидев окровавленную спину, не решились прикоснуться. Сюй Мучжоу протянул руку, взял наброшенную на руку Цзун-шу верхнюю одежду и медленно, без суеты облачился в нее.

— Благодарю отца за наставление, — тихо промолвил он. — Сын навсегда запомнит этот урок. Лянь-шу, дело сделано. Полагаю, заходить в мой дом ты не намерен, так что провожать не стану.

Из-за выступившего холодного пота пряди волос прилипли к лицу Сюй Мучжоу, губы слегка дрожали, но голос звучал ровно — он не желал показать свою слабость перед Лянь Цю.

— Берегите себя, второй молодой господин, — ответил тот. К счастью, Лянь Цю действительно не собирался переступить порог усадьбы Сюй, чтобы не создавать лишних неприятностей.

Как только Лянь Цю ушел, Чжэн Юдао и Сюй Сюаньян отправились провожать его, и толпа у ворот рассеялась. Сюй Мучжоу повернулся и перешагнул порог, а слуги поспешили захлопнуть ворота.

Чжуан Бай, все это время стоявший поодаль, бросился к нему. Не заботясь о том, что на них смотрят, он нежно коснулся лица Сюй Мучжоу, вытирая пот со лба. Сюй Мучжоу улыбнулся ему, и хотя улыбка была спокойной, было видно, что он держится из последних сил.

— Цзун-шу, скорее зови лекаря! — крикнул Пэй Юньчу. Сюй Мучжоу был ребенком, которого он вырастил, отказывая себе во всем, лишь бы тот ни в чем не нуждался. Видя спину юноши, которая продолжала кровоточить даже сквозь ткань халата, Пэй Юньчу чувствовал, как его собственное сердце обливается кровью.

— Иду, уже бегу! — отозвался Цзун-шу, в два счета бросившись к выходу.

Чжуан Бай и Пэй Юньчу, подхватив Сюй Мучжоу под руки, помогли ему дойти до спальни.

Чжуан Бай смотрел на бледный профиль любимого, и голос его звучал необычайно мягко:

— Мне так хочется обнять тебя, но я боюсь задеть раны, тебе будет больно.

Сюй Мучжоу сжал ладонь Чжуан Бая. У него не осталось сил, чтобы сказать, что впереди еще много времени, но тепло их рук стало лучшим утешением.

Когда они добрались до спальни и уложили Сюй Мучжоу на живот, Чжуан Бай схватил медный таз и помчался на кухню за горячей водой. Пэй Юньчу взял ножницы и разрезал одежду на спине юноши.

— Ну зачем же так упрямиться? Совсем о себе не заботишься, — ворчал Пэй Юньчу, глядя на изрезанную ткань. В его голосе слышался упрек, но в глазах стояла невыносимая боль.

Он слишком хорошо знал ребенка, которого вырастил: внешне мягкий и безмятежный, в душе Сюй Мучжоу был невероятно гордым. Он ни перед кем и ни в чем не склонял головы. Сегодня Лянь Цю выполнял приказ отца, и на глазах у всей улицы Сюй Мучжоу наверняка было невыносимо больно, но чем сильнее была боль, тем безразличнее он старался казаться.

Его спина была залита кровью, но он, словно ничего не случилось, надел верхнюю одежду, двигаясь так, будто его всего лишь укусил комар. Пэй Юньчу понимал, что это был молчаливый вызов: что значат для него отцовский приказ и семейный закон? Если надо — пусть бьют, он примет наказание, но никогда не признает его правоты. Таким он был всегда.

Чжуан Бай вернулся с тазом, и Пэй Юньчу велел ему закрыть двери и окна, чтобы не было сквозняков. Чжуан Бай тщательно запер все, проверяя каждую щель.

Пэй Юньчу взял полотенце, смочил его в теплой воде и принялся осторожно промывать раны. Зрелище было ужасающим: рваные раны, перемешанные с частицами ткани. Пэй Юньчу пинцетом вынимал обрывки одежды, которые намертво прилипли к плоти, пропитавшись кровью. Это была необходимая, но крайне болезненная процедура.

Сюй Мучжоу упрямо молчал, отвернув лицо к стене. А сердце Чжуан Бая горело, словно в огне. Он сидел на корточках у кровати, сжимая в кулаке полог, и шептал:

— Потихе, ну пожалуйста, потихе.

Это было странное чувство: словно самая нежная часть твоего сердца уже принадлежит кому-то другому, и когда ему причиняют боль, ты страдаешь не меньше.

— Ты меня совсем извел, — добавил Чжуан Бай, вытирая пот с шеи и ладоней Сюй Мучжоу.

Вскоре пришел Цзун-шу с лекарем. Осмотрев раны, тот сказал, что, к счастью, повреждена только кожа и мышцы, ничего жизненно важного не задето, однако раны слишком обширны, и

на их заживление уйдет не меньше десяти-пятнадцати дней.

<http://bllate.org/book/18908/1848941>